

Сергей Яковлевич Максимишин

Карта Памяти

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67929785

Карта памяти / Сергей Максимишин: Treemedia; Москва; 2019

ISBN 978-952-68977-9-0

Аннотация

В новую книгу Сергея Максимишина «Карта памяти» вошли 100 избранных фотографий автора, не публиковавшихся в предыдущих изданиях. Фотографии обильно приправлены байками, заметками, записками, воспоминаниями и комментариями. О фотографии и не только.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

001	8
002	9
003	10
004	12
005	13
006	14
007	15
008	16
009	17
010	18
011	19
012	21
013	22
014	23
015	24
016	25
017	29
018	30
019	31
020	32
021	34
022	35
023	36

024	38
025	39
026	40
027	41
028	42
029	43
030	44
031	45
032	46
033	47
034	48
035	49
036	50
037	53
038	54
039	55
040	56
041	57
042	58
043	59
044	60
045	61
046	62
047	63
048	67
049	68

050	69
051	70
052	71
053	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сергей Максимишин

Карта памяти

Автор признателен уважаемому Айдару Фаррахову, придумавшему название этой книжки.

© Фотографии. Текст. Сергей Максимишин. Санкт-Петербург. 2019

© Дизайн. Екатерина Лупанова. Москва. 2019

© Treemedia Content Oy. Hartola, Finland. 2019

Средства на издание книги были собраны по подписке. Автор и издательство признательны всем, кто оказал нам доверие. Отдельная благодарность подписчикам, чей вклад особенно велик: Александру Склярову, Лилии Славинской, Bozhok Andrii, Cristina. Друзья, эта книга появилась исключительно благодаря вашей помощи. Спасибо огромное!

У моей бабушки на кухне висел отрывной календарь. Листочки баба Роза, прочитав, не выбрасывала, а складывала в черную коробку из-под обуви. За много лет коробка почти заполнилась, и листочки там перемешались. С пяти лет коробка была моей любимой книжкой. Просто брал наудачу горстку листочков и читал, пока не надоест. Умилял гостей почерпнутыми из коробки сведениями: «А вы знаете, сколько весит язык синего кита? Две тонны!» В другое вре-

мя брал другую стопку, и листочки не повторялись. А если и повторялись, я об этом уже не помнил. Это было бесконечное чтение. В том смысле, что без конца. Начала у него тоже не было.

В Тотье захожу в класс художественной школы. Преподаватель:

– Проходите, проходите, директор меня предупреждала. Мне сказали, вы художник?

– Нет, я не художник.

– А, значит, фотохудожник?

– Нет, просто фотограф.

– Видимо, меня дезинформировали, – разочарованно говорит преподаватель.

Снимал Казань для журнала, который издается в США, но распространяется в Саудовской Аравии. Текст был вполне себе политкорректным – о мирном сосуществовании конфессий. А перед съемкой я получил инструкцию (привожу в моем переводе) от главного редактора – американца с вполне себе англосаксонскими именем и фамилией.

«...И помните об ограничениях фотоконтента, объясняющихся распространением журнала в Саудовской Аравии: мы избегаем (при всякой возможности) показывать христианские кресты; женщин в шортах или юбках выше колена; мужчин без рубашек; женщин в топах на бретельках и других топах без рукавов; также не следует показывать алкоголь, ни в бокалах, ни в бутылках, ни на полках, ни на столе. Наверное, вы улыбнетесь и скажете: „Но я ведь буду снимать Россию летом!“ – тогда мне придется сказать в ответ, что нам просто надо сделать это. Например, если нужно снять портрет женщины, которая пришла в короткой юбке, фотографируйте ее от талии вверх, а если на ней еще и топ без рукавов, возможно, получится добавить платок или шарф, или снимите крупный план. Если городской пейзаж включает большой крест над церковью, возможно, найдется ракурс, при котором этот крест не так заметен. Учет этих обстоятельств поможет вам успешнее справиться с задачей!»

Татьяна Яковлевна, мама моего друга Женьки, в юности играла в русские шашки и даже разряд имела немаленький. А лет десять назад на день рождения (Татьяне Яковлевне было сильно за 70) Женя с братом Сережей подарили маме ноутбук. Татьяна Яковлевна компьютер освоила, нашла «поляну», где играют в шашки онлайн, зарегистрировалась и стала выносить одного авторитета за другим. Быстро выбилась в лидеры рейтинга, что в сочетании с портретиком зефирной блондинки на аватарке, а также со слогом и стилем дипломированного филолога позволило ей снискать бешеную популярность. Отбоя от «Разрешите познакомиться» не было, сетевые романы вспыхивали один за другим. Жизнь просто перевернулась.

Девочки в костюмах ангелов – участницы рождественского представления.

Украина, Закарпатье, 2007

Фотограф, называющий себя фотохудожником, похож на литератора, называющего себя художником слова.

Тотьма: в шахматном кружке, по-вологодски окая, самодеятельный тренер утешал проигравшего мальчика:

– Ну, кто ж виноват? Сам и виноват! Прозевал победу-то! Офицериком ферзюлечку почему не скушал?

Однажды я спросил Вайля о его отношениях с Довлатовым. Петр рассказал, что должен был взять письменное интервью у Довлатова. Интервью задумывалось в форме беседы равновеликих литераторов. Петр сказал, мол, Довлатов, о чем тебя ни спроси, ты все равно будешь говорить о том, что тебе интересно, так ты напиши не только свои реплики, но и мои, так будет удобнее. Приходит текст: обстоятельные, занимающие иногда страницу пассажи Довлатова и реплики Вайля: «Не может быть!», «Неужели?», «Вот это да!».

Пока писал, вспомнил еще один рассказ Вайля. Петр говорил, что Лимонов был идеальным гонцом за бутылкой. При любой доверенной сумме выдерживал оптимальный баланс закуски и градуса и за этот уникальный дар был ценим коллегами более, чем за поэтические способности.

Собака Малка, временно у нас квартирующая, волнуется, когда при ней гладят кошку Гошу. Не понимает, как при наличии двух таких прекрасных собак, как Малка и Зося, можно заниматься ерундой.

В отличие от абсолютной нестяжательницы собаки Зоей, Малка очень любит имущество. Больше всего уважает тапки. Тапок изо рта она выпускает только тогда, когда ест. Иногда меняет мой на Машкин.

Тильман Мюллер, пожилой хороший дядька, очень известный немецкий журналист, как-то сказал мне:

– 30 лет назад, если ты сел в кресло самолета и не заговорил с соседом, люди думали, что ты сумасшедший. А теперь люди подумают, что ты сумасшедший, если заговоришь с соседом.

Экономист Миркин на «Дожде» говорил, что в России производится один зонтик на 10 000 человек и шьется один пиджак на 40 человек.

Поражает, как же быстро иногда крутятся жернова. Пол Пот истребил 3 000 000 человек всего за 3 года 8 месяцев и 20 дней. Между 1917 и 1937 годами прошло всего 20 лет. А с 1933-го по 1945-й – всего 12. Это как если бы Гитлер пришел в 2005-м, а Берлин взяли только что. Немыслимая концентрация тектонических событий.

Химию я терпеть не мог, но учительница в нашей школе была хорошая, и первый семестр в институте я легко продержался на школьном запасе. С доцентом Блиновым, проводившим лабораторные, у нас были прекрасные отношения. Со второго семестра я уже не очень понимал, что происходит на лабораторном столе, но делал как все, и до поры мне все сходило с рук. Падение мое началось с того, что Блинов увидел, как я положил в дипломат упаковку сухого горючего – мы собирались в зимний поход, я решил, что не помешает. Доцент ничего не сказал, только пожал плечами. Потом пи-роман Эдька Гапонов, наш сожитель по 523-й комнате, велел всем на химии натереть солей некоего металла, которые были ему нужны для создания самодельного взрывного устройства. Химикаты Эдька хранил под кроватью. Когда нужных солей в хим-корпусе больше не осталось, я заметил в лабораторной витрине роскошную банку с реактивом: темное стекло, этикетка с ятями и ерами, залитая воском крышка. Попытался открыть витрину, сразу не получилось, поднажал, все зазвенело, а тут, как назло, Блинов.

– М-м-максимишин, в-вы в-в-вор? – заикаясь, поинтересовался доцент.

Маша и Аркадьевна. Маша – актриса, Аркадьевна – режиссер «Наивного театра» при психоневрологическом интернате № 7.

Россия, Санкт-Петербург, 2003

В третий раз я попался, когда ссыпал в бумажный кулек растворяющий соли меди «Трилон Б», отличное средство для чистки монет. Блинов поднял глаза к небу и сказал:

– К-к-к-клептоман!

На следующем занятии он дал группе задание и сказал:

– М-м-м-мужики, вот с-с-спички, если М-м-м-максимишин не с-с-с...дит, будут л-лежать з-з-десь!

Кошка Гоша любит выскочить из квартиры и побежать вниз по лестнице, убедившись предварительно, что погоня близка. Перед дверью парадной соглашается быть пойманной. Если в погоню по недосмотру никто не пустился, Гоша возвращается и плачет под дверью квартиры. Естественно, дурацкой фантазии свалить из теплой парадной у нее не возникает никогда. Если положить ей еду (а ест она на подоконнике), Гоша будет долго ходить рядом по полу, пока кто-нибудь не возьмет ее на руки и не поставит перед мисочкой. Только тогда она, уступая грубой силе, начнет есть. Спать кошка Гоша любит под моим боком, но никогда не прижмется сама, не опустится до такого унижения. Будет ходить кругами, дожидаясь, пока не возьму ее двумя руками и не прижму к себе. При этом она возмущенно мяукнет и, почти без перехода, счастливо заурчит, как старый холодильник.

В Пулково на выходе сидит деваха в аквариуме с надписью «Такси». Заказываю машину до дома.

– Вам машинку комфортную или менее комфортную?

– Менее.

– Полторы тысячи рублей.

– Что вдруг полторы? Всегда была тысяча. Не нужна мне ваша машинка!

– Ну, есть еще совсем эконом-класс, – брезгливо отклячив губу, говорит девушка.

Как последний бомж уехал за тысячу на «Хендай Солярис».

В Перпиньяне говорили о книге и выставке с корреспонденткой газеты Le Monde. Говорили через переводчика. Барышня поинтересовалась, как я жил до исторического материализма, ностальгирую ли по советским временам и когда мне лучше жилось: сейчас или при Советах. На это я сдуру рассказал старый анекдот, как у грузина спросили, когда ему лучше жилось – при Хрущеве, при Брежневе или при Горбачеве. Грузин ответил: «Конечно при Хрущеве! Очень потенция была хорошая!»

Кто же мог знать, что переводчица увидит в русском слове «потенция» французское la potence – виселица!

В результате, статья начинается так: «Передо мной сидит русский фотограф Максимишин, этакий сфинкс, и отвечает на вопросы загадочными пословицами или типично русскими шутками, например, такой: у грузина спрашивают, когда ему лучше жилось – при Ленине, при Сталине или при Хрущеве. Грузин отвечает, что при Сталине, поскольку при Сталине очень хорошо работали виселицы...»

Действительно, загадочный русский.

Утром улетаю в Будапешт жюри́ть их национальный конкурс. Просмотрел пока событийные номинации. Топ-7 прошлогодних венгерских событий по мере убывания количества посвященных им фотографий и серий: 1) конкурс поваров; 2) драка общественности с полицией за городской сквер; 3) радость фанатов по поводу попадания сборной на «Евро-2016»; д) сторонники президента подбили глаз противнику президента за то, что тот свистел в свисток во время исполнения президентом речи; 5) встреча Венгерской олимпийской сборной; 6) мусульманские беженцы на границе Сербии и Македонии; 7) конкурс кладбищенских землекопов.

Про овец и овцеводство. Человек по имени Явех решил разводить овец. Он идет рынок, покупаете пару ягнят, поселяет их на принадлежащей ему огороженной территории, дает ягням имена, ну скажем, Адап и Епа, и принимает деятельнейшее участие в их овечьей жизни: от волков охраняет, от паразитов опрыскивает, если Адап рогами в терновнике запутается, Явех тут как тут, заболели – лечит, в холода пускает в дом, но может в сердцах и штакетиной по хребту, если в сад за яблоками без спросу. В глазах Адапа и Епы Явех всемогущ, милостив, справедлив, гневлив, но отходчив. При этом в их овечьих мозгах нет ни одной идеи по поводу того, с какой же целью Явех все это затеял.

А рядом другая огороженная территория – там другие овечки, и у них тоже есть свой всемогущий хозяин, и зовут его Ваал, а рядом третья делянка – там целая семья овцеводов: старики Юпитер с Юноной и их взрослые дети, некоторые добрые, а некоторые – нет, да еще у них есть страшные собаки, которые выполняют команды всемогущих...

Уличная сцена.

Россия, Тутаев, 2018

Вернемся, однако, к Адапу и Епе. У них рождаются ягнята, Явех принимает роды, кормит ягнят из бутылочки, играет с маленькими и дает им имена. Явех любит ягнят, а ягнята – Явеха. То же с третьим поколением, но, конечно, новым малышам уже меньше внимания. А потом у следующего поколения рождаются новые ягнята, имена им давать уже бессмысленно, все равно не запомнишь. Но память о том, как Адап и Епа запросто подходили к Явеху за морковкой и как Явех однажды прогневался на Епу за то, что она съела хозяйское яблоко, живет в овечьем стаде и передается из поко-

ления в поколение. Как и уверенность в том, что если вести себя хорошо, Явех будет сытно кормить и чесать за ухом, а если объедать клумбу, получишь палкой по спине.

По мере роста поголовья судьба конкретной овцы интересуется Явеха все меньше и меньше. Выделяет он уже только девиантов – либо овец, дающих рекордно большой надой, их надо оставить для племенной работы, либо дающих аномально низкий надой, этих нужно выбраковывать как бесполезных. Выбраковывать нужно и чрезмерно агрессивных баранов, мешающих жить остальным. Важной частью селекционной работы являются эксперименты с целью выяснить степень устойчивости овец к тем или иным неблагоприятным факторам. Объектом таких экспериментов был, например, барашек по кличке Иоф. И вот, когда у Явеха уже не одна отара, а стада, единственное, что его интересует, – прибыль. Если стадо с той стороны холма (там самая сочная трава!), стало приносить мало пользы, его нужно заменить овцами другой породы. Если в стаде, что пасется у реки, появилась инфекция, его нужно уничтожить полностью и без разбора. При этом овцы по-прежнему не понимают, какая от них польза и зачем они нужны – подстригать траву, радовать глаз, беззаветно любить Явеха, скрашивать его досуг, ублажать его слух хоровым блеянием и звоном колокольчиков или еще для чего. И по-прежнему из поколения в поколение овцы рассказывают друг другу о том, что, если хорошо себя вести, Явех, которого уже давно никто не видел,

даст морковку, а если плохо – поколотит палкой. Хотя появляются и вольнодумцы, которые осмеливаются утверждать, что никакого всемогущего и милосердного Явеха отродясь не было.

Сегодня за ужином собралось жюри. Пять фотографов – итальянский, немецкий, русский и два венгерских. Сначала обсуждали процедуру, под кофе стали просто болтать. Заговорили о том, какой язык сложнее – русский или венгерский. Венгерские фотографы в школе учили русский, поэтому могут сравнивать. Говорят, русский, по сравнению с венгерским, – все равно, что английский, по сравнению с русским, – просто образец логики и порядка. Потом венгры стали извлекать из подсознания 30 лет лежавшие там без применения фрагменты русской речи. Томаш Слуковени удивил фразой «Только покойник не ссал в рукомоЙник!».

Собака Зося к еде относительно равнодушна и очень разборчива. Незнакомую еду Зося вежливо берет и несет в лабораторию на исследование. Лаборатория – это наша кро-
вать, куда Зосе разрешено забираться максимум тремя ногами. Если еда годная, Зося приходит за следующим кусочком. В противном случае образец остается в лаборатории, и, если его вовремя не изъять, можно, забравшись под теплое оде-
яло, обнаружить там холодную крабовую палочку или еще чего похуже.

Еще у собаки Зоей в голове встроенная палата мер и ве-
сов. Для каждого харча там имеется свой эталон: сравнивая с ним размер полученного кусочка, Зося решает, есть ли по месту выдачи или унести от греха подальше на подстилку и есть по месту жительства.

После 27 часов работы в жюри фотоконкурса у меня, как у футболиста после игры, ночью подергиваются ноги. Такого тяжелого обсуждения, наверное, еще не было.

В составе жюри два новостных фотографа (оба из агентства «Рейтер»), один человек из агентства VII и я. Временами казалось, что два конькобежца и два фигуриста пытаются выяснить, кто же в Венгрии лучший хоккеист. Хорошо, что был пятый член жюри – венгерский фотограф, голос которого часто становился решающим.

Моя институтская знакомая живет в тихой буржуазной до тошноты и такой же до тошноты благоустроенной стране. К ней время от времени приезжает свекровь из Питера и тщательнейшим образом изучает туземный быт на предмет несовершенства. Обнаружив вспученный асфальт, неубранную улицу, бомжа, свекровь радуется, как дитя. Осознание факта, что не мы одни такие, примиряет ее с реальностью.

Пожилая крестьянка.

Россия, Кабардино-Балкария, аул Юль-Тебе, 2008

А я в очередной раз удивляюсь друзьям и читателям, которые в ответ на любое невосторженное слово о происходящем или происходившем в отечестве немедленно оцетиниваются цитатами, из которых следует, что некоторые якобы цивилизованные страны и народы еще подрянее нашего будут. Так легче жить, видимо.

В Северной Корее в музее подарков Ким Ир Сёну нас провели в комнату, где на пластиковой травке среди папье-машовых грибочков и чучел глухарей и рябчиков стоял подарок китайских товарищей – восковая персона Великого Вождя в натуральную величину. С нами было пять корейцев – экскурсовод, переводчица О Кен и «гиды» – товарищи Пак, Фе и Цо. Увидев персону, корейцы рухнули как подкошенные – типа уважуха. Мы следом за ними – неудобно все-таки. И вот лежим и лежим. Корейцы лежат физиономией вниз и друг на друга зыркают: каждый боится первым встать, им же вечером друг на друга рапорты писать, а это важно, кто больше, вернее, меньше, ку. А если кто недостаточно ку или не дай бог вообще не ку, того можно осудить коллективным судом, подвергнуть общественному порицанию, натравить прокуратуру, а то и гражданства северокорейского лишить, заручившись всенародной северокорейской поддержкой. Долго так лежали.

Много раз наблюдал: приходит мальчик (девочки в такой фигне не замечены) на какое-нибудь портфолио-ревю, приносит тоскливые картинки и (я еще рта не успел открыть) говорит тихо и со значением: «Это пленка!». Предполагается, видимо, что я должен немедленно задохнуться от восторга и благоговения. Я не очень задыхаюсь, поскольку в свое время извел десятки километров этого добра. Если человеку Бог таланта не дал – пишет он ручкой по бумаге, пером по пергаменту или электрическими буквами по «Макинтошу», на выходе одно и то же унылое говно. Разве что оттенки в тенях разные.

В Варанаси я ушел за похоронный гат, там, где стоит полузатопленный накренившийся храм. Вдруг слышу – звучит песня про московских окон негасимый свет. Тихо, но отчетливо. Откуда звучит – понять не могу. Потом Высоцкий. Потом Шопен. На храме – репродукторы, подумал, что оттуда. Подошел – громче не стало. Стал искать, может, радио у кого из местных. Вроде не видно. Гурченко спела «Путь-дорожка фронтовая». Потом запел Налич. Что за глюки? Подошел к воде, на меня тут же набросился лодочник:

– Boat, sir! Good price!

Я его спрашиваю:

– Do you know where the music is playing?

– Yes, sir! I know, sir! Your pocket, sir!

Блин. Телефон в кармане включился и решил устроить концерт.

А лет десять назад представительство «Сони Эриксон» выдало мне на тест-драйв свой новый телефончик. На тот момент это было просто революционное устройство. Если еще не смартфон, то что-то сильно на него похожее. Так вот: он надо мной издевался. Например, самолет взлетает, а у меня в наушниках Визбор: «Три дня искали мы в тайге капот и крылья, три дня искали мы Серегу...» А в Сараево пришел в мечеть. Пятница, народу не про-толпиться. Как только имам

запел, у меня бодро заиграло в кармане: «Шалом алейхем, эвейну шалом алейхем...» В Сараево же телефончик и самоликвидировался – на контроле в аэропорту выпал из кармана куртки на бетонный пол и больше не включился.

Летел в Оймякон, в самолетики Якутск-Усть-Нера дали местную газету. Там статья: пастух перегонял табун, лошадь понесла, мужик упал, нога застряла в стремени. Лошадь тащила его, пока он не сумел достать нож и на скаку обрезать веревку. Сломал ногу. И обнаружил, что забыл дома блок питания для рации. Отправил сына в поселок за подмогой. Сын ушел, расстояния там измеряются днями пути.

У мужика началась гангрена, и он ножом каждый день отрезал себе по пальцу. Сын добрался до поселка, стал звонить в Якутск. Ради какого-то пастуха вертолет никто отправлять не собирался. К счастью, дядькин брат – профессор местного университета, ему удалось поднять на уши народ, и вертолет все-таки послали. Когда нашли, пастух поотрезал себе уже все пальцы на ногах. На фотографии из больницы якут улыбается.

Ехал в поезде и обдумывал мироустройство. Всякие горные и прочие восточные комьюнити с жесткой клановой и/или родовой иерархией внутри – это общества, регулируемые чувством стыда, но не совестью. Если стыдиться некого – все позволено. А атомизированные западные общества регулируются совестью, но лишены стыда.

Два окошка.

Россия, Старица, 2018

В Томторе, самом большом из трех поселков, расположенных в долине Оймякон, мне показали человека.

– У него четверо детей было, и все померли, а знаешь почему? Его Бог за отца наказывает! У нас беглых зэков менты не ловили, их ловили охотники из наших. Пристрелят, кисти рук отрежут и в лагерь несут как доказательство. Им за это керосин давали, водку, консервы. Многие этим промышляли. А у этого человека отец зверь был. Он человека не убивал, живым оставлял без рук в тундре. Вот теперь сын расплачивается.

Ноябрь – страшный месяц. Полная безнадега. Все мои родственники умирали в ноябре или сразу после. В декабре уже перевал, Новый год, день длиннее, света больше и март не за горами, а там и ягель, сморчки, сторчки и подснежники. Нам бы еще неделю продержаться.

Еще позавчера на лодочке плавал по Ганге. Сегодня посмотрел в окно, а там показывают другую планету.

Строка из меню «Фотошопа» как заклинание:

IMAGE – ADJUSTMENTS – DESATURATE!

Прочитал в «Википедии» про Карла Буллу. Умный был человек – в 1916-м (а был ему 61 год) тихонечко свалил на Сааремаа, где в своей постельке и помер 13 лет спустя. Оставил дело сыну Виктору – тот дружил с советской властью, Ильича фотографировал, был практически «личником» при Смольном, – а в 1938 году, по доносу его же сотрудника, расстреляли как шпиона.

Дело было лет, наверное, десять назад. В ресторане гостиницы «Асса» в Назрани я единственный посетитель. Сажу на террасе с видом на огромный прямоугольный пруд, ем жижиг галнаш. По пруду люди плавают на разноцветных лодочках, солнышко светит, душа радуется. Спрашиваю у официантки:

– Вроде не выходной, а столько народу отдыхает. У вас праздник какой-то?

– Нет, это вчера мальчик утонул. Ищут.

Татские мастера из азербайджанского села Лагич производят малыми сериями медные браслеты с портретом Наполеона III. Я пытался выяснить у ювелиров причины популярности именно этого монарха, но ничего путного не добился. Купил изделие за семь манатов.

Когда нас нет дома, собака Зося начинает стаскивать башмаки на кровать. Приносит по мере нарастания соскука, примерно по одному в час. За полдня собирается целая коллекция. Начинает всегда с машинного. Видимо, думает, что без башмаков мы никуда не денемся.

В парке с нами гуляет бультерьерша Гита полутора лет. На ощупь похожа на сейф с ножками. Нежнее, добрее и ласковее собаки не представить. Живущий с Гитой нанопесик чихуахуа цинично пользуется этим и третирует собаку. Гита чихуахуа боится.

Прилетел из Баку. На ленинградский батон поверх вологодского масла намазал армянскую баклажанную икру и все это ем, запивая азербайджанским чаем. Восстанавливаю СССР внутри отдельно взятого организма.

Между Москвой и Питером есть гиблое место – участок между Вышним Волочком и Окуловкой. Как опытный ездок на «Сапсане», я собрал большую статистику, согласно которой, если везде солнце, в гиблом месте пасмурно, если везде пасмурно, там дождь, если везде дождь – там град, везде снежок – там пурга метет. На днях «Сапсан» сломался, треснувшись о наледь – именно там, в гиблом месте.

Чехов: «Томска описывать не буду. В России все города одинаковы. Томск город скучный, нетрезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нем мрут губернаторы». Первый раз мысль о том, что в России все города одинаковы, я услышал от немецкой журналистки Беттины Сенглинг. Ничего со времен Чехова не изменилось. По-настоящему «других» городов вроде Владивостока или Питера в России по пальцам сосчитать. Вообще, я думаю, во многом проблемы России начинаются с того, что у нас никогда не было городов в европейском понимании, городов как самоуправляемых территорий – тех, где «воздух города делает свободным». У нас не было Магдебургского права как многовековой школы демократии, самоуправления и самоуважения, у нас не было или почти не было городской цивилизации. И до сих пор нет.

Пляж.
Ялта, 2015

Сделать карьеру или получить приличное образование можно по большому счету (с массой оговорок и исключений, конечно) только в столицах. В отличие от Германии, Италии или США, где финансовый, политический, промышленный, интеллектуальный, медийный центры разнесены, у нас все сосредоточено в одном (если смотреть издали, Москва и Питер почти сливаются) месте. Похожая ситуация во Франции, но там расстояния, по сравнению с нами, крохотные. В последние 300 лет столицы, как гигантский насос, выкачивают мозги из провинции, а сейчас еще и удержать собранное не

могут. Стандартная ситуация: прадед жил в деревне, дед – в городе, отец – в столице, сын уезжает из страны. Это моя семья и множество семей моих знакомых. Или, например, наш класс: те, кто плохо учился, остались в Керчи. Ученики получше уехали в Симферополь, Харьков, Днепропетровск. Лучшие (я имею в виду только школьный аттестат) осели в столицах. В советские времена молодых специалистов отправляли работать по распределению, тем самым создавая встречный поток. Сейчас и этого нет. И что с этим можно сделать?

Про совриск. В городе Гусар есть парк.

– Третье место по всему Азербайджану занимает! – сказали в чайхане. В парке ухоженные, как новенькие, стоят сталинских времен гипсовые статуи. В той же чайхане рассказывают:

– Ты девушка с мячом видел? Знаешь, как мы шутим? Берем сладкий чай и на это самое место девушке выливаем. Муравьи с весь парк туда приходят сахар кушать, такой веселый получается, такой черный, такой эротичный!

Бывают арбузные и неарбузные годы. Неарбузным был позапрошлый год – где ни купи, всюду вялая водянистая розовая немощь. А в этом можно даже не выбирать, везде цимес. Классик Остап Вишня писал: «Ти його тільки ножичком торк, а він: "Реп!"»

Знакомый, комментируя какую-то очередное событие из российской жизни, сказал: «Это все потому, что в России у человека воровать стыдно, а у государства – почетно».

Во дворе обитают три кота – рыжий, черный и белый. Родились прошлой зимой, только-только в возраст вошли. Самый крутой – рыжий. Он нам с собакой Зосей даже дорогу не уступает, мы его обходим с уважением. Черный уже где-то глаз потерял. Белая кошечка радостно бежит за кружасьимися в маленьком смерче палыми листьями. Нашла чему радоваться, дурочка. Зима близко, дай им бог пережить.

Жена рассказывает: у двери парадной мнется тетенька – кодовый замок не пускает. Просит пустить в подъезд разложить листовки по ящикам. Уже в парадной:

– За какого кандидата хоть листовки?

– Вроде от «Справедливой России», хотя их сейчас столько уже, что не запомнишь. Все ворье одно, никому верить нельзя. Только Путину, наверное, и можно!

– Ну, надо сказать, что и Путину...

– Что ж вы такое говорите, Путин же православный!

В универсаме на столе, где оставляют корзинки, лежит книжка «Три мушкетера», серия «Библиотека приключений». Говорю Маше:

– Смотри, самая уютная книжка из тех, что бывают.

Девочка-кассир говорит:

– Можете взять, это женщина принесла, сказала, может, кому нужно.

Конечно, я взял. У нас такая же ходила по классу, пока все не прочитали. Я бы 40 лет назад за эту книжку много чего отдал. Молодым не понять.

19 августа 1991 года я приехал на работу в Эрмитаж. Про путч ничего не знал. Саша Сизов бегал по лаборатории, как заведенный, туда-сюда. Потом сказал:

– Ну ладно я, я уже пожил, а вам, Сереженька, п...ц!

Пляж.

Россия, Норильск, 2010

Северное Возрождение – это про конкретных людей, а итальянское – про каких-то придуманных, которых на улице не встретишь.

Приятель, вернувшийся с Соловков, рассказал, что работы обдирают со стен кремля оранжевый лишайник. Тверская улица будет.

Паше Косенко удалось раздуть на «Фейсбуке» уже совсем было потухший костер. То тут, то там разгораются подкупающие свежестью аргументов споры про «что лучше» – пленка или цифра. Оно бы ничего, но некоторые полемисты размахивают моим именем, как кистенём. Одни говорят, что Максимишин держался за пленку до последнего, и только костлявая рука голода заставила поправить идеалы и оскоромиться бездушным пикселем. Другие говорят, что Максимишин – сладострастный диджитофил, и даже приводят в подтверждение факты моей биографии, как они ее понимают. Так вот, официальное заявление: мне плевать. Не вижу особой разницы и уже сам плохо помню, что у меня на цифру снято, а что – на пленку.

Умер Сергей Иванович Смирнов. Два года назад я писал о нем: во время войны Сергей Смирнов был стрелком-радистом.

В «Известия» пришел в 1959-м. В 1960-м снимал визит Хрущева в Индонезию. Дружил с семьей Брежнева, фотографировал его детей и внуков. Когда Сергей Иванович ездил по стране, секретари райкомов выходили к поезду с рюмкой водки и бутербродиком с осетриной – фотограф центральной газеты, большая шишка! Балетоман, эстет, гурман, ловелас. В известинском кабинете Сергея Ивановича стоял (а может, до сих пор стоит) ящик из-под монитора, в котором змеиным кублом свернулись тысячи пленок. Потянешь за конец:

– Сергей Иванович, это кто?

– Это? Да так... Мао Цзэдун...

В альбоме «100 лучших фотографий журнала Life» Сергей Иванович смотрит на кадр, где Гагарин рапортует Хрущеву:

– А, это тот мальчик снимал, которого за оцепление не пустили.

Познакомились мы с Сергеем Ивановичем в марте 1999 года. Я только три недели как стал внештатником «Известий», и Леша Белянчев решил передать мне немножко пленки. Сказал, что в Питер едет Сергей Иванович, с ним и

пленка. Кто такой Сергей Иванович, не сказал. В полвосьмого утра звонок. Голос стариковский, но очень напористый:

– Я не знаю, за что тебе, сопляку, такое богатство – аж сто катушек! – но через полчаса жду тебя в гостинице «Смольнинская».

– В каком номере?

– Найдешь!

«Смольнинская» в советские времена была закрытой партийной гостиницей. Попасть туда с улицы было невозможно, ни в одном справочнике она не значилось. Времена были уже не советские, но порядки старые еще оставались. Швейцар очень нелюбезно:

– Вы к кому? Вас ждут?

– Да, тут у вас гость, Сергей Иванович, я только не знаю, в каком номере.

– Сергей Иванович, как обычно, в 209-м. Проходите, конечно же, проходите, молодой человек!

Стучусь – не отвечают. Думаю, уснул. Толкнул дверь – не заперто. В комнате никого, на стуле пиджак с орденами. Ордена серьезные, не юбилейка какая-нибудь. Ни фиги себе, думаю, Сергей Иванович. В конце коридора слышу уже знакомый голос. Иду на звук – голос из-за двери с табличкой «Директор». Открываю. Директор – дама с высокой прической – очень сурово:

– Вы что-то хотели, молодой человек?

– Я ищу Сергея Ивановича...

– Сергей Иванович, это к вам юноша!

Сидевший спиной к двери человек обернулся, протянул жесткую ладонь:

– Ну, пошли завтракать!

В ресторане:

– Коленька, икорка как?

– Обижаете, Сергей Иванович!

– 200 грамм нам и коньячку, как я люблю!

Под коньячок Сергей Иванович расспрашивает меня про жизнь: кто, откуда, где учился, давно ли снимаю. Потом спрашивает про камеру, про оптику. Надо же, думаю, человек что-то понимает в фотографии.

– Сергей Иванович, – спрашиваю, – а вы что, тоже фотограф?

Архиерейское подворье Глебова женская пустынь.
Россия, Тверская область, 2018

Сергей Иванович треснул кулаком по столу так, что икру пришлось собирать с пола. А потом мы с Сергей Ивановичем подружились. Как-то он зашел в гости. На входе в нем уже было 400 миллилитров коньяка. Добавив еще 200, Сергей Иванович стал прихватывать за попу то жену, то тещу: с высоты его лет разница несущественна.

Хороший был человек и первоклассную жизнь прожил. 92 года. Светлая память.

Профессор Чобан, читавший нам теорфизику, как-то пришел весь на нервах и первый час пары рассказывал, как по злой воле жены вынужден стоять в очереди за румынской мебелью, круглый стол ей, видите ли, захотелось. Поскольку было неизвестно, в какой именно день желанную мебель привезут, очередь самоорганизовалась и выставляла ночные караулы. Настал черед профессора идти в ночное. Поначалу все было хорошо, публика подобралась сплошь творческая интеллигенция, но под утро профессора и академики стали подмерзать. Спрятались в какой-то парадной, откуда их в шесть утра погнала дворничиха с криком:

– Пошли нахер бомжи, всю парадную зассали, щас милицию вызову!

В политеховской общежитии: приходим вечером – на кровати Лехи Сухорукова спит пьяница Леха Косенков. Разбудить никакой возможности. Оттащили прямо на матрасе в его комнату. Рано утром бодрый стук, в дверях умытый свежий Косенков, матрас под мышкой:

– Мужики, – говорит, – спасибо, я у вас вчера матрас брал!

Мы в стройотряде работали на Саяно-Шушенской ГЭС, заливали последние уровни. Работали на гребне плотины: слева вода в 5 метрах от нас, справа – 250-метровая пропасть. Местные мужики ловили щук прямо с плотины. Доставали, разрезали, посыпали солью и через час ели. Однажды работяга зацепил огромную щуку. Тащить ее из воды – долгая история, да и сорваться может. Он по рации связался с крановщиком башенного крана, тот бадьей зачерпнул 5 кубометров енисейской воды вместе со щукой, вылил 5 тонн воды на плотину, волна сошла, и – вуаля! – вот вам и щука. Есть какая-то порочность в несоразмерности масштабов задачи и пусть даже правильном, но избыточном ее решении. Это как лечить перхоть гильотиной.

Читал, что до Реформации работающих, пытливых, сноровистых итальянцев было принято ставить в пример тупым и ленивым немцам.

Тверская улица в собянинском изводе отличается от Невского, как квартира пиарщицы фитнес-центра от квартиры старого профессора.

Старые монеты со временем покрываются патиной. Неопытные или глупые коллекционеры смывают патину, возвращая монетам «первозданный» блеск. Опытные коллекционеры за монету в красивой патине платят в разы больше. А «обмылки» просто не покупают.

Двоюродная мамина сестра тетя Маша и ее муж дядя Витя ласково называли друг друга пузиками. Пузик дядя Витя весил килограммов 150, тетя Маша если и меньше, то ненамного. По семейному преданию, однажды пузики смолотили за день 18 судочков холодца. Их сыновья – погодки Виталик и Павлик, помню, съедали на завтрак десять и восемь яиц соответственно. Семейство проживало в Одессе: сначала в полуподвале на улице Красной Армии, потом в трехкомнатной квартире где-то на окраине. Дядя Витя закончил мореходку, но карьера не задалась. О годах морских скитаний напоминала только привезенная с Острова Свободы сумка крокодильей кожи с настоящей крокодильей головой и лапками и купленный за недорого в каком-то порту американский университетский перстень из низкопробного золота, Дяде Вите он был мал, перешел к моему отцу, а сейчас у меня. Дядя Витя построил халабуду на Хаджибейском лимане, купил 12-местный военный надувной плот, с которого ловил бычков в промышленных масштабах. Тетя Маша бычков сушила и связками продавала на Привозе. Мы несколько раз гостили у них на лимане. Бычков было столько, что ловить было неинтересно.

Однажды дядя Витя затащил на пятый этаж огромный мешок картошки, схватился за сердце и умер. Тетя Маша на-

долго его пережила. Ходила с палочкой, палочкой же переключала программы телевизора. Пока была жива мама, связь поддерживалась, теперь потерялась. Жива или нет – не знаю. Виталик закончил военное училище, воевал в Афгане, поселился в Кингисеппе, заезжал пару раз, потом его дочь у нас жила, пока в институт поступала. Потом как-то пропал. Про Павлика ничего не знаю.

Продавцы голубей.
Турция, Стамбул, 2012

КАК Я СТАЛ ФОТОГРАФОМ

По прибытии на Кубу мы, солдаты-новобранцы, попали в трехдневный карантин. Жили в палатках. Время от времени приходили «купцы»: искали пекарей, токарей, писарей, водителей. Очередное построение. Высокий, широкой кости, старший лейтенант предложил «композиторам, художникам, певцам, фотографам и прочей художественно одаренной сволочи, которая служить не хочет», сделать три шага вперед. Особой одаренности в себе я не чувствовал, но три шага сделал. Вышедших из строя солдат офицер отвел в сторонку и, представившись начальником клуба, стал группировать по увлечениям. Дошла очередь до меня.

– Ты кто?

– Режиссер, – сказал я самонадеянно.

– Больших и малых академических театров?

– В институте был в КВН.

– Студент?

– Так точно.

– Студентов я люблю, сам был студентом. А еще чего умеешь?

– Фотографирую немножко.

– Постой пока, – сказал старлей и приступил к опросу фотографов-профессионалов. Последние, все как один узбеки, оказались самозванцами, в чем были тут же уличены

сопровождающим начклуба киномехаником Васей, задававшим соискателям один и тот же вопрос: «Что лучше – „Унибром“ или диафрагма?». Последним на Васиные вопросы отвечал я и, видимо, преуспел больше прочих. Старлей записал мою фамилию в блокнот, сказал, что ничего не обещает.

Вечером третьего дня колонной по три нас привели в бригаду и выстроили на плацу. Пляц, как пляц, все как в Союзе, только вместо бессмысленного лозунга «Учиться военному делу настоящим образом» написано: «Да здравствует нерушимая советско-кубинская дружба!». И еще фанерный щит с изображением двух легендарных кораблей и надписью «Шхуна „Гранма“ – младшая сестра крейсера „Аврора“». Пришел комбриг со свитой. Дальнейшее напоминало дележ пленных.

– Рядовой Петров! ВУС № 517! – страшным голосом объявил полковник, – Кому?

Возжелавший рядового офицер свиты тут же уводил Петрова. Почти в самом конце списка:

– Рядовой Максимишин!

Из-за спины полковника вынырнул начклуба:

– Товарищ полковник, это фотограф пятого разряда.

– Рязанцев, тебе по штату сколько фотографов положено?

– Двое, товарищ полковник.

– А сколько уже есть?

– Трое.

– Ну?

– Так это же профессионал, в газете «Труд» работал!

Последний аргумент оказался решающим, и я стал фотографом Центрального клуба 12-го учебного центра.

Центральный клуб был самым маленьким подразделением бригады. Под началом старшего лейтенанта Рязанцева культуру в солдатские массы несли киномеханик, водитель автоклуба и художник. Был еще фотограф, но за пьянство Рязанцев отправил его в пехоту. Место оказалось вакантным, и честь прикрыть эту брешь в обороне кубинской революции выпала мне.

Профессиональную деятельность я начал с уборки. Наследство мне досталось убогое – разболтанный «Зенит-Е», «ФЭД-3», дрожащий от ветхости увеличитель «Ленинград», бачок для пленки, кюветы, кассеты и переходные кольца. Из реактивов – два ящика с жестяными банками, подписи на которых не несли никакой информации о свойствах содержимого – МП-1, МГП, БКФ-2. Весь этот утлый инвентарь за месяц бесхозности покрылся липкой тропической плесенью. По стенам лаборатории во множестве сновали маленькие, сантиметров пять-семь, ящерицы гекконы. С геккончиками я бороться не стал, а «сикарак» – огромных тараканов, проживавших в проявочном бачке, изгнал решительно.

Куба, Нарокко, 1987.
Фото Виктора Воронкова

Не успел я насладиться чистотой обретенного пристанища, как получил первое задание – снимать тактические учения. Маневры были показательные, посмотреть их съехалось множество кубинских начальников. Проходили учения под городком Алькисар, где находился один из бригадных полигонов. От жары, экзотики и невиданной никогда ранее концентрации генералов голова у меня пошла кругом. Опыта никакого, последний раз свою «Вилию» я держал в руках на школьном

выпускном вечере. Ночью, вынимая из фиксажа пленку, был уверен, что ничего не получится. На удивление, пленка оказалась приличной. И вторая, и третья. Некоторые кадры были даже резкими. Однако утро следующего дня было ужасным. Высохнув, пленки покрылись грязно-белыми пятнами. Трясущимися руками заправил пленку в бачок, долго мыл. Когда высохло – снова появились пятна.

Пришел Рязанцев, носивший, как выяснилось, кличку Хока, удивился, что еще не готово, велел сделать к обеду. В спешке я начал протирать пленки полотенцем. Пятна исчезли, но пленка покрылась густой сетью жирных царапин. Сел печатать. Не глядя в глаза отдал Хоке снимки. Тот аж посерел:

– Я это командиру не понесу, неси сам.

Пошли в штаб. Комбриг брезгливо пролистал еще мокрые (глянцевать не было времени) с рваными краями карточки:

– Херово ты делаешь, мужик. Иди в клуб.

Уже за дверью услышал:

– Так ты, Рязанцев, говорил, что этот мудака в газете работал?

Пятна оставляли, высыхая, капли жесткой воды. Две-три капли кислоты спасли бы меня от позора. Увы. Хока приказал собирать вещи и пообещал самый тяжелый гранатомет. Но перевести меня в пехоту оказалось делом сложным – штаты были заполнены, да и кому нужен солдат с такими рекомендациями. Однако скучать не приходилось. Забота-

ми «дедов» дни и ночи проходили в ожесточенной пахоте – я подметал и мыл кинозал, белил, красил полы и стены, косил траву, чистил крышу. На полевые работы брал с собой «Зенит». Однажды главный и самый вредный дед Вася Петрухин, обнаружив в кинозале преступно незамеченный бычок, решил подвергнуть меня унижительному наказанию. Вася приказал надеть ОЗК, взять «мачетку» и отправляться косить Амазонку – мелкий грязный ерик, протекавший за клубом. На мой отказ Петрухин предложил спуститься в подвал с целью нанесения мне телесных повреждений. Там мы подрались. Я мелкий, а Вася еще мельче. Я Васю поколотил. Оклемавшись, заместитель начальника клуба сказал: – Теперь тебе точно п...ц! – и укрылся в кинобудке.

В тот же день Вася настучал Хоке, что я извожу казенные бумагу и пленку на «левые» фотографии. Хока устроил шмон.

Ничего серьезного не нашел, но бумагу и пленку изъяс. Уже уходя, открыл томик «Кобзаря», мамин подарок. В книге лежала фотография огромной жабы. Два дня тому назад я косил траву и чуть не разрубил зверя мачете. Серо-голубого цвета жабища была размером с ежика. Земноводное позировало прекрасно, я извел на него полпленки и снимком справедливо гордился. Обнаружив фотографию, Хока от наплыва чувств аж забежал по лаборатории. Каждый раз, минуя стол, он бил несчастное животное ребром ладони и вопил в такт ударам: «П...ц! П...ц!». Вася оказался прав. Я не смог

сдержать улыбки. Это взбесило Рязанцева еще пуще. Заполнив записку о моем аресте на десять суток, Хока побежал в штаб подписывать ее у комбрига. Мне приказал следовать за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.